

МЕДВЕДЬ

Мария
Ануфриева

Мария Борисовна Ануфриева

Медведь

Серия «Самое время!»»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954595
Медведь: Время; Москва; 2012
ISBN 978-5-9691-0886-8

Аннотация

Роман «Медведь» – дебютная книга Марии Ануфриевой, уже нашедшая отклики в литературной среде: «От прозы Марии Ануфриевой невозможно оторваться. Это очень страшно, потому что очень точно и очень правдиво. Но ужас не раздавливает, а мобилизует, потому что автор настоящий художник» (Александр Мелихов). Счастливая жизнь героев книги перевернулась в один миг. Он пошел на встречу с друзьями и не вернулся. Она искала его и нашла в реанимации без сознания. Ее домом становится белый больничный коридор, где она день за днем ждет выхода врачей, просит о чуде и пытается распутать клубок трагических событий, о которых он не может ей рассказать. Эта история никого не оставит равнодушным.

Содержание

ЧАСТЬ 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Мария Ануфриева

Медведь

ЧАСТЬ 1

НЕ БЫВАЕТ АТЕИСТОВ

Белый коридор. Железные стулья. Большое окно почти до пола. В обычной жизни они не значат ничего – коридор, стулья да окно, что в них примечательного.

В замкнутом белом больничном мирке они могут превратиться в целую Вселенную. Кроме коридора, стульев и окна в ней нет ничего материального. Есть только ожидание, и бессилие, и надежда на врачей, и вера в чудо, и тошнота, и головокружение, и тревога. Они вызывают дрожь в груди, бьющуюся невидимой птицей. Взмахнет крыльями – и заходит ходуном все внутри, притаится – и тут же все окаменеет и замрет вместе с ней в ожидании: что там, за раскрытыми дверями, где ровный свет, кислый запах, долгое беззвучие и внезапный грохот каталок, разрывающий тишину.

Но на тишине с кислым запахом нельзя остановить взгляд, нельзя к ней прикоснуться, чтобы почувствовать реальность и не полететь в пропасть безумия, которая раскрывается под ногами, когда в одну секунду рушится твой мир. Коридор,

стулья да окно ощутимы, за них можно ухватиться, сделать своими союзниками и выстроить вокруг себя Вселенную.

Моя больничная Вселенная не расширялась и была не бесконечна, но в ней билась жизнь – самое главное, самое ценное, что может быть у человека.

Это было не первое и не последнее мое утро здесь. Сотрудница в окошке справочной службы, сверившись с пухлой разлинованной тетрадкой, уже ворчливо сказала мне ставшую привычной фразу:

– Жив, жив, но состояние крайне тяжелое, кома третьей степени, температура 37,7.

На словах «крайне тяжелое» ее голос приобретал немного другую, скорбную окраску. Это профессиональное, выработанное годами, иногда она сопровождала слова сокрушенным покачиванием головы.

Я мечтала о том, что однажды подойду, назову имя, а она скажет:

– Стабильно тяжелое.

И это будет праздник! Ведь, оказывается, между тяжелым и крайне тяжелым состоянием – целая пропасть. Тяжелое состояние – это победа.

Потом все как обычно. Я выходила из холла первого этажа, где располагалась справочная, на улицу. Шестнадцать этажей серого монолитного здания больницы сливались с таким же серым небом, а с него медленно и беззвучно падали большие серые хлопья снега, покрывая маленький боль-

ничный двор. Больница, небо и снег были единым целым — крайне тяжелым.

Чуть дальше шумела оживленная городская улица, кипела цветная жизнь, но я не собиралась покидать это серо-белое больничное царство и выходила для того лишь, чтобы снова войти. Пересекая двор, смотрела налево: вот он, мой коридор возле дверей реанимации, куда надо попасть. Рано утром дальше окошка справочной с центрального входа в больницу не пускают, но по одному из пандусов можно подняться в приемный покой и попытаться проникнуть внутрь.

Надо очень быстро, по-деловому, не оглядываясь, пройти мимо охраны, на всякий случай делая вид, что разговариваешь по телефону. Если окликнут, сказать: «У меня родственник к вам поступил, оформляется тут, в приемном, сейчас найду его, отдам документы и выйду». Затем быстро затеряться в белых коридорах и вновь занять свое место на холодном подоконнике в большой больнице.

Даже не подоконник это был, а бетонный выступ огромного больничного окна, очень низко, почти у пола. Рядом стояли сетчатые железные стулья, иногда я пересаживалась на один из них, но на подоконнике было удобнее. Сидя на стуле, трудно прятать лицо от проходящих мимо по коридору, надо куда-то смотреть: на людей, в пол или в стену. А я не знала, куда деть глаза, я хотела их просто закрыть. Пересев на низкий выступ, можно было отвернуться к окну и остаться наедине с собой и с ним.

Все эти дни я разговаривала с ним, рассказывала о том, что сижу рядом, в белом коридоре, куда отлучалась и что удалось узнать, ведь сам он наверняка даже не понял, что случилось за пару секунд, перевернувших жизнь: свет фар, удар и темнота.

Все эти дни я просила об одном:

– Не умирай, Медведь!

Ведь говорят же, что мысль материальна. Может быть, в этом есть доля правды. Может быть, пока ты говоришь с человеком, он и живет, борется, цепляется за жизнь вопреки всему.

Временами я раскачивалась из стороны в сторону. Как младенец успокаивается и затихает на руках качающей его матери, так горящий человек, раскачивая сам себя, подчиняется усыпляющей силе размеренных движений, которые притупляют боль. Он словно сам становится маятником. Разве у маятника могут быть навязчивые мысли, страх, горе? Он просто маятник, существующий для того, чтобы качаться, качаться, качаться – ровно, бесперебойно. Маятник не может сойти с ума...

Только не разжимать ладонь, ни на минуту, ни в коем случае нельзя было этого делать!

В ладони – икона Ксении Блаженной. Я ходила с ней днем, научившись все делать одной свободной рукой. Ночью спала, положив руку с иконой под подушку, боясь во сне разжать ладонь и выпустить ее, прервав свою непрерывную моль-

бу Богу вернуть его. Временами со всей силы сжимала икону, чтобы ее ребристые деревянные края как можно больнее впечатывались, врезались в ладонь. Когда становилось совсем больно, и на коже появлялись кровоподтеки, я представляла его забинтованную голову на больничной подушке, собирала боль в один луч и мысленно направляла его туда, в реанимацию.

– Реакция на боль минимальная, – сообщали врачи.

Я делала больно себе, чтобы передать эту физическую боль ему – на расстоянии, может, он почувствует ее как разряд, как сигнал к действию: еще, еще немного напрягись, преодолей свое полубытие, ты еще можешь вернуться.

Если бы хоть день возратить из прошлой, вчерашней жизни. Да какой там день, хоть час, хоть десять минут! Что-бы сказать, как я его люблю.

Не в холодную, враждебную пустоту палаты увитому трубками человеку под белой простыней. А ему – в футбольной форме на стадионе, за рулем машины, вернувшемуся поздно вечером с работы. Ему, Медведю.

– Не умирай, ты сильный, я верю в тебя. Только не умирай, Медведь!

Есть люди, будто наделенные внешними и внутренними чертами животных. Бывает, увидишь впервые человека и тут же понимаешь: вылитый лис, настоящий волчара, этот – осторожный барсук, ну а вот – благородный лев.

Друзья с детства звали его Медведем. Я настолько привыкла к этому прозвищу, что и сама так его называла.

Откуда оно появилось? Он и впрямь был похож на медведя – спокойный, неторопливый, основательный. Спортсмен, на футбольном поле быстрый и, как принято говорить, резкий, но как только заканчивалась игра, тут же превращался в добродушного увальню. Разозлить его сложно, но если уж справишься с этой задачей – несдобровать. Потом он всегда остывал и начинал виновато урчать. Именно урчать, другого слова и не подберешь:

– Машенька, прости.

Когда он шел на попятную и начинал урчать, тут уж можно было просить все что хочешь.

Я пользовалась этой мягкостью его характера и просила все, что мне угодно, не угодно и просто пришло в голову сию минуту.

Когда, предъявив паспорт, я получила в казенном окошке его обручальное кольцо, все в засохшей крови, я попросила:

– Не умирай, Медведь, ты ведь не можешь умереть, правда? Ты ведь выжил. Все говорят, что здесь хорошие врачи, они спасут тебя. И Бог – он не может от нас отвернуться. Держись, не умирай. Ты только не умирай, Медведь!

Я надела на палец кольцо и посмотрела на руку – два обручальных кольца, одно над другим. Тут же почувствовала, что под ногами у меня пропасть и безумие.

Надо собраться, отключить эмоции. Выяснить, что с ним

произошло. Попасть в палату. Увидеть. Постоять рядом. Вырвать у смерти.

Плохое всегда случается мгновенно, но и мгновения бывают разные. Когда падаешь сам, в какие-то доли секунды еще успеваешь удивиться, огорчиться, осознать факт падения и даже, возможно, сгруппироваться, смягчая удар. Когда опрокидывает, швыряет наземь, оглушает взрывная волна, у тебя нет и доли секунды, чтобы осознать, что происходит.

Такой взрывной волной стало для меня случившееся с ним. Мгновенность крайней, самой последней степени.

Только что все было – и мечты, и планы, и Машенька, прости, и вопрос: куда поедет летом – днем, а вечером он встретился с друзьями и просто не вернулся домой.

В окошке, где выдают вещи и документы попавших в больницу скорой помощи, я расписывалась в получении ошметков счастья и благополучия. Расписывалась и не могла поверить, что белый коридор и табличка над дверью «Хирургическая реанимация» – наяву. И я здесь – тоже наяву. И что мне делать с этой явью?

Но что-то делать надо, чтобы вернуть его, заслужить его, получить его. Обратно. Живого!

– Ты только не умирай, Медведь!

Можно ли дать определение человеку одним словом, исчерпывающе, до дна?

В средней школе на уроках литературы, потрясая стопкой

разлинованных тетрадок в зеленых обложках, учитель ругала не отличающихся богатством словарного запаса учеников: «Что, опять фантазии не хватило? Сто раз вам повторять надо: нельзя называть героя в сочинении хорошим! Ведь что такое – хороший? Это ничего! Мама у вас дома хорошая, а у героя Михаила Юрьевича Лермонтова много других характеристик. Еще раз прочитаю про “хорошего” – выше тройки в четверти не получите!»

Я на всю жизнь запомнила, что слово «хороший» не применимо к литературным героям, хотя сложностей с прилагательными у меня никогда не было.

Потом начались студенческие годы.

– Представьте, что вы едете в трамвае, а напротив вас сел человек. Опишите его, во всех деталях, в мельчайших черточках его характера, которые не должны ускользнуть от вас. Только избегайте штампов вроде «хороший», – говорил преподаватель.

А дальше была работа, когда я писала, писала и писала за других, и всегда избегала в описаниях человеческих свойств слова «хороший». Это было не сложно, я ведь знала очень много слов, отвечающих на вопрос: какой?

Прошло время, и я узнала, что хороший – это и есть то главное слово, которое дает нам исчерпывающее представление о человеке. Хороший – это больше, чем добрый, смелый, справедливый, благородный. Хороший – это все, но не ничего. И множество слов не заменит простого, но не пусто-

го слова – хороший.

Я поняла это, когда встретила Медведя. Он оказался очень хорошим.

Впервые я увидела его возле станции метро «Горьковская». Он стоял в стороне от толпы, воротник пальто был поднят. Стоял, нахохлившись, улыбаясь и краснея. Когда он смущался, у него всегда проступал румянец, а смущался он часто.

Кончик моего шарфа то и дело касался рукава его пальто, потому что с Невы дул сильный ветер. Желтые листья покрывали Александровский парк.

Мы пошли в кафе, чтобы обсудить дело, которое и стало причиной встречи: надо вычитать его диссертацию и автореферат на предмет синтаксических ошибок и стилистических неточностей. До сих пор не могу понять, зачем это потребовалось, – писал он грамотно. Наверное, по-настоящему образованные люди не могут позволить себе быть асами в одном и неряхами в другом.

Я с рвением взялась за дело и, за неимением существенных ошибок, поправила несущественные. Позже выяснилось, что последние и не ошибки вовсе, а профессионализмы. Корявые, но тем не менее правильные.

– Ничего страшного, Машенька, – урчал он в трубку. – Не переживай. Ну ты же не могла знать.

Потом мы опять встретились, я смотрела на его крепкие руки и чувствовала, что меня ждет что-то большое. Я всегда

это чувствую.

Не обладая такими полезными в жизни качествами, как женское кокетство и мудрость, я вывалила все, что было на душе:

– Мне уже двадцать семь лет, и куда уходит время, непонятно. Семьи нет, жилья своего нет, детей нет, а так хочется. И ничего я не умею, кроме как буквы в слова складывать, да и то сомнительное это умение. Таких умельцев и без меня хватает.

Он слушал, кивал и говорил, что все непременно будет: и дом, и семья, и ребенок:

– Все будет хорошо, Машенька.

Через три месяца после знакомства с Медведем мне позвонила бабуля, у которой я была прописана в области, и сказала, что надо либо выписываться, несмотря на заплаченные деньги, либо платить втрое больше за год, и вообще в качестве бонуса ей нужно сорок килограммов картошки, потому что она больна и не может выйти из дома.

– Не проще ли деньгами? – спросил Медведь.

– Нет, сказано же картошкой, деньги и так, само собой разумеется, – уныло отвечала я.

Мы купили картошку и поехали по Московскому шоссе.

Бабуля встретила нас жизнеутверждающим румянцем, фуфайкой нараспашку и двумя ведрами воды, только что лихо поднятыми из колодца.

– Приехали? Картошечку привезли? Ну вот и ладненько,

вот и молодцы. А ты, милочка, симпатичная такая, с Украины, что ли?

На лице Медведя заиграли желваки, а я ответила, что нет, не с Украины. Впрочем, никакой разницы нет: если ты из города – столицы Карелии, что в семи часах езды, и живешь в Петербурге почти десять лет, для некоторых коренных петербуржцев ты все равно лимита, второй сорт, даже если сами они давно живут в деревне.

– А мальчик твой что, не хочет ли на тебе жениться? Или не нужна ты ему, без жилья-то? – не унималась бабуля.

Назвав на прощание сумму, которую я должна ей за прописку на год, она радостно помахала нам вслед.

Попрощались мы ненадолго, деваться-то мне все равно было некуда.

– Почему ты не можешь прописаться в центре, там, где живешь? – спросил он по дороге.

– Потому что это не мое жилье. Оно не приватизировано, а я не родственница хозяйке.

Мы ехали обратно по Московскому шоссе, я вспомнила слова бабули, совершенно невероятную сумму сверх заплаченного за год, поняла, что я действительно второй сорт, ведь у меня нет своего жилья, и разревелась от обиды.

Я плакала и ненавидела его за то, что он едет и молчит, за то, что он первый сорт. Вышла из машины, хлопнув дверью и не обернувшись.

На следующий день он позвонил и как ни в чем не бывало

сказал:

– Что у тебя с настроением? Все будет хорошо, Машенька. Кстати, у тебя есть знакомые агенты по недвижимости?

Он взял кредит на работе и все накопленное на новую машину. Цены в тот год росли каждый день, на квартиру не хватало, но о квартире я и не мечтала.

Через несколько месяцев вместо новой машины себе он купил комнату мне и сказал:

– Езжай в паспортный стол и выписывайся от бабки. Это твое жильё.

Узнав новости, бабуля присвистнула. Затем сообщила, что она первоклассный маляр и вполне может побелить у меня потолок, и вообще – нет ли на примете других толковых девок не с Украины, чтоб платили за десять лет вперед, а выписывались пулей через год.

Потом Медведь дал мне семью и привел в свой дом, но до сих пор, читая женские откровения о самых разных дорогих и нужных подарках, я всегда думаю о том, что нет важнее подарка, чем купленная для тебя комната в коммуналке. Это был самый щедрый, самый своевременный и самый человеческий подарок в моей жизни.

Я знала, что над его поступком посмеивались многие знакомые, и понимала, что хоть де-юре я перестала быть вторым сортом, но де-факто продолжала им оставаться. Если у тебя нет медали, подтверждающей рождение в любимом городе, и ты не ходил в школу с тремя цифрами в номере, для неко-

торых людей ты навсегда останешься вторым сортом, тут уж ничего не попишешь. Это так же невозможно изменить, как святую уверенность в том, что белые ночи – природное явление, случающееся раз в год только в Петербурге, и больше нигде нет белых ночей. Выехал из Санкт-Петербурга – закончились белые ночи. Я видела немало таких людей, и удивилась, встретив Медведя.

Свой стержень и свое понимание правильных и неправильных поступков помогали ему не замечать насмешек, хотя, наверное, не защищали от них. Он всегда прислушивался к чужому мнению, но оно никогда не становилось безоговорочно его мнением, не пройдя через многоступенчатые фильтры очистки истинных ценностей от ложных, потому что он был *хорошим*.

– Не умирай, Медведь, ты только держись!

Может ли время идти вспять? Если оно способно остановиться и замереть, превратившись в безвременье, то, быть может, и путь назад заложен в его часовой механизм. Просто мы не знаем, как заставить стрелки крутиться в обратном направлении, отменяя уже свершившиеся события человеческой жизни.

Еще так недавно, но уже так давно, в совсем другой счастливой жизни душным августовским вечером мы ехали из карельского городка Сортавала, то и дело останавливаясь, чтобы искупаться в озерах, которые попадались по дороге.

После одной из таких остановок он едва успел разогнаться, как чертыхнулся и резко остановился, правой рукой держась за руль, а левой от чего-то отмахиваясь. В машину с водительской стороны залетело, заползло или даже вскочило большое мерзкое насекомое и не придумало ничего лучше, чем опустить свое невесомое тельце прямо на руль. Я заверещала дурным голосом и в панике выскочила на обочину.

Оказалось, это во время стоянки случайно запрыгнул большой прозрачно-зеленый кузнечик. Не разобравшись, Медведь первым инстинктивным движением щелкнул по нему и почти раздавил.

– Выкинь эту тварь из машины, только не бери его руками, а то я никогда больше не дотронусь до тебя! – кричала я.

– Это же кузнечик! – он изменился в лице. – Кузнечик! Вот я дурак! Зачем я его убил?

– Затем, что нечего в машину соваться! Не переживай, значит, судьба его такая, – бодро утешила я. – Тоже мне, горе, тут этих стрекочущих чудовищ триллион скачет! Молодец, что прибил.

– Да я же не специально, не понял! Они и зла никому не причиняют. Эх, зачем же я его убил!

Кузнечик – вернее, то, что от него осталось, – дергался у ног Медведя в лужице белой жидкости.

– Надо добить его, чтобы не мучился, – чуть не плача сказал он, побледнев сквозь загар.

Не стал давить ногой. Под моим испепеляющим взглядом

сгреб останки невезучего насекомого салфеткой и выкинул в придорожную канаву.

Поехали дальше, но настроение у него упало. Я посмеялась над ним, предложив устроить траур по кузнечику, но он не поддержал. Молчали.

Медведь молчал – видимо, жалел жителя зеленых лужаек и то и дело подавленно вздыхал. Я тоже молчала – думала: «Боже мой, что это за человек такой. Нет, мне, конечно, очень повезло, он добрый и заботливый. Но ведь нельзя же всерьез расстраиваться из-за случайно приклепнутого кузнечика. Нельзя быть таким хорошим человеком. Это нереально, несовместимо с жизнью. Надо избавляться от этой доброты, открытости, распахнутости миру, а по сути – детского восприятия действительности. В жизни это ни к чему хорошему не приведет. Тут таким не место, тут такие не держиваются».

Он сосредоточенно смотрел на дорогу и категорически не хотел улыбнуться происшествию с кузнечиком, а я тайком поглядывала на него, и сердце у меня сжималось от нежности и досады одновременно. Я всегда хотела, чтобы он был как все – хуже, чем есть. Для его же блага. Пыталась переделать, но не могла: всегда натыкалась на внутренний стержень. При всей мягкости характера его было не согнуть.

Тогда я не могла предположить, что человеческая жизнь, по сути, мало чем отличается от жизни кузнечика. Ты весело и беззаботно скачешь по полям и лужайкам – работа, дом,

магазины, рестораны. Рядом с тобой скачут такие же хрупкие беззаботные кузнечики. Каждый по своим любимым лужайкам. Никому и в голову не приходит, что стоит зазеваться или оказаться не в то время не в том месте и не с теми кузнечиками, и – бабах, ты раздавлен чьим-то мощным щелчком и в судорогах корчишься на асфальте. С той лишь разницей, что жидкость из тебя вытекает не белая, а красная, образуя «пятно бурого цвета диаметром 0,5 на 0,3 метра».

И кто-то так же, походя, скажет:

– Сам виноват, судьба его такая.

– Естественный отбор, – простучит на клавиатуре другой и весело щелкнет клавишей, зовя на монитор следующую историю из хроники происшествий за минувшие сутки.

А ведомства, отвечающие за порядок на лужайках, безопасность движения по тропинкам между ними и сохранность жизни кузнечиков, отмахнутся от приключившегося несчастья, будто не родственники кузнечика к ним пришли за помощью, а назойливые мухи влетели в форточку.

Еще так недавно, но уже так давно я наивно полагала, что человеческая жизнь чего-то да стоит. Возможно, за тридцать земель, в тридесятom царстве, заморском государстве на далеких полянах за высоким бугром так и есть, а на родных лужайках стоит она не больше, чем жизнь кузнечика, выброшенного в придорожную канаву.

– Но мы сильные, мы справимся. Правда, Медведь? Ты только не умирай!

Из воспоминаний меня вернул в действительность телефонный звонок. В эти дни мне много звонили, и всякий раз голоса в трубке тихо и с опаской спрашивали: не потревожили? И непременно извинялись. Но вопреки этим опасениям я была рада каждому звонившему. Как только раздавался звонок телефона, я понимала, что не одна, а еще – что не потеряла его.

Никогда не была Машей-растеряшей, но почему-то сама мысль о возможной потере телефона превратилась для меня в навязчивую идею. Потерятелефонофобию.

Я цеплялась за телефон как утопающий за соломинку, ведь он вместе с коридором, окном и железными стульями тоже был моей Вселенной. В нем – связь с большим миром за стенами больницы. В нем номера друзей, родственников, врачей, экстрасенсов, полезных людей, приоткрывающих нужные двери. В эти дни я поняла, увидела и до конца осознала то, что в теории и так знает каждый. Если тебе некому звонить, за тебя некому просить и у тебя нет ниточек, ведущих в волшебный клубочек людей хоть что-то да решающих, ты полный ноль, а твоя жизнь, беды и прочие смешные надобности – посторонний звук в отлично работающем муляже двигателя большой государственной машины.

Эти полезные ниточки тянулись из большого мира в маленький больничный мирок. Благодаря им в этом мирке завязывались узелочки. Они придавали аскетичной белой Все-

ленной немного цвета, а значит, тоже спасали от безумия и от звенящей пустоты, которая часто окружает человека, внешне выброшенного на обочину жизни.

В очередной раз вздрогнув от звонка и облегченно вздохнув от того, что телефон по-прежнему со мной, я услышала в трубке знакомый голос:

– Он договаривался об этой встрече накануне. На обеде. В офисе. Возле кофе-автомата, – прерывисто говорил его коллега. – Как же это могло случиться?

Мы не верим... В ту пятницу собирались после работы зайти в кафе всем отделом, пообщаться в неформальной обстановке, знаете... Но потом планы у ребят изменились. Кто-то не смог. И он решил встретиться с институтскими друзьями, на хоккей они собирались.

Он кидал эти рубленые фразы, словно надеясь, что так быстрее выполнит свою нелегкую задачу – поговорит с женой лежащего в коме человека, который еще вчера мог похвастаться отменным здоровьем. Потом шумно перевел дыхание и зачем-то еще раз глухо повторил:

– Мы слышали, как он договаривался...

Помедлил.

– Мы с ним часто говорили – о семье, футболе, много о чем... Таких светлых людей, как он, больше нет. Я до сих пор не верю! Все кажется, что он просто опаздывает на работу, пробки, пока доедешь... Сейчас дверь откроется, и войдет. Что-нибудь уже выяснили? Следователь был? Как все про-

изошло?

– Нет, – призналась я. – Надо искать следователя, которой дело передали, ехать в Главное следственное управление. Никто не приходил и не звонил, а у него, представляешь, и документы все при себе были: права, паспорт. Все в больнице отдали. Врачи «Скорой» написали: сбит неустановленным транспортным средством. Состояние крайне тяжелое.

– Но ведь кто-то же выезжал из ГИБДД происшествие оформлять? Что они говорят, как все случилось?

– Послушай, – отвечала я трубке и сама слышала свой голос словно издалека, как чужой, – нам даже не сообщили, что он в больнице. Сейчас звонят, выясняют, мы подняли всех, кого могли.

Голос в трубке дрожал, но собеседник пытался быть бодрым:

– Мы верим в Медведя, он выкарабкается, он не умрет!

Я все время спрашивала себя: могла ли я предотвратить случившееся?

Если бы мы не уехали на Новый год, если бы я не задержалась и мы вернулись вместе, возможно, стоя у кофе-автомата, он отклонил бы приглашение и не пошел на хоккейный матч.

За месяц до случившегося у меня появилось тревожное чувство, очень смутное, неявное, нечеткое. Как дурной сон под утро, когда просыпаешься с мучительным ощущением

страшного и непоправимого, но что же именно произошло там, во сне, вспомнить уже не можешь. Ощущение это было связано с Медведем. Я не придавала ему значения – и теперь чувствовала себя виноватой. Я должна была прислушаться к себе, услышать, поверить.

В первый раз оно возникло перед самым Новым годом. Я фотографировала Медведа, а потом при взгляде на один из снимков у меня защемило сердце. Непривычно осунувшееся лицо, грустная улыбка и главное – взгляд. Словно издалека... На этой фотографии Медведь был не таким, как всегда.

Я не смогла тогда понять, что в его лице не так, но отчетливо помнила промелькнувшую мысль: «Что-то случится». Возникла из ниоткуда, пробежала предупреждением, кольнула в сердце...

Второй раз сердце кольнуло, когда купили ему билет на поезд. Это был единственный билет на нужное число – 9 января 2011 года. Конец новогодних каникул. Не было купе и СВ, только плацкарт, да еще и боковой, да еще и отказной. Никаких вариантов, только сданный кем-то плацкартный билет.

Пришлось покупать его. Медведь ворчал, потому что давно уже не ездил в плацкарте, а я назидательно говорила ему: – Все следует делать заранее, в том числе и билеты покупать, а я предлагала в Питере за 45 суток брать, не тянуть до последнего, ясно же, что в конце новогодних каникул поедет много народа. Вот теперь лежи в проходе на боковой полке

– наука будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.